

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вам покажется, что книга стала толще, а слов в ней больше, чем в ранее опубликованных изданиях «Чужака в стране чужой», то вы правы. Это издание — полный текст рукописи, в том виде, в котором Роберт Хайнлайн задумал и написал свой роман.

Текст предыдущих изданий насчитывает чуть больше 160 тысяч слов, а в этой книге примерно 220 тысяч слов. Рукописная страница Роберта обычно вмещала 250–300 слов, в зависимости от количества диалогов. Таким образом, если в среднем на странице 275 слов, то восьмисотстраничная рукопись содержит 220 тысяч слов или немного больше.

При первой публикации в 1961 году роман настолько отличался от тех, к которым привыкли тогдашние читатели, особенно любители научной фантастики, что редакторы настоятельно рекомендовали урезать текст и изъять из него некоторые сцены, выглядевшие оскорбительными для широкого круга читателей.

В ноябрьском номере журнала *Astounding Science Fiction* за 1948 год было напечатано письмо в редакцию, содержавшее список названий произведений, которые следует опубликовать через год. В списке упоминался и рассказ, который должен был написать Роберт Хайнлайн — «Бездна».

После долгой беседы с редактором журнала Джоном В. Кэмпбеллом-мл. было принято решение, что за год авторы успеют написать все рассказы под предложенными названиями и что специальный выпуск журнала будет издан в ноябре 1949 года.

Роберт, как и прочие авторы, пообещал написать рассказ, соответствующий предложенному названию. Специальный выпуск журнала впоследствии стал известен как «Путешествие во времени».

Теперь Роберту оставалось только придумать сюжет, подходящий для названия.

Мы с ним устроили мозговой штурм. После многих отверженных сюжетов я предложила написать рассказ о ребенке, воспитанном инопланетянами. Роберт сказал, что в рассказ этот сюжет не уложится, и пометил его отдельно, на будущее. Вечером он заперся в кабинете, делая записи, а потом их отложил.

Под названием «Бездна» был опубликован совсем другой рассказ.

Записи и заметки Роберта несколько лет лежали в папке, а потом он начал писать книгу, которую впоследствии назвали «Чужак в стране чужой». Поначалу работа не ладилась, и он ее снова отложил. К рукописи он возвращался несколько раз, но окончил ее только в 1960 году — в том виде, в котором она сейчас попала вам в руки.

В 1960 году «Чужак в стране чужой» напугал издателей — роман слишком отличался от привычных книг. Во избежание возможных убытков Роберта попросили сократить рукопись на 70 тысяч слов, оставив 150 тысяч слов текста, а также внести и некоторые другие изменения. После этого издатель решил рискнуть и опубликовать роман.

Сократить на четверть длинный, сложный роман — дело очень трудное, почти невозможное. Однако спустя несколько месяцев Роберту это удалось. Окончательный текст рукописи насчитывал 160 087 слов, и Роберт решил, что дальнейшие сокращения нежелательны. Урезанную рукопись принял.

В таком виде роман и печатали последующие 28 лет.

В 1976 году Конгресс США принял новый Закон об авторском праве, где говорилось, между прочим, что в случае смерти автора право на публикацию переходит к его наследникам, причем все предыдущие контракты, заключенные от имени автора, утрачивают силу. Роберт скончался в 1988 году, и на

ПРЕДИСЛОВИЕ

следующий год право на публикацию «Чужака в стране чужой» можно было возобновить.

В отличие от прочих авторов, Роберт хранил свои рукописи — в том виде, в котором они первоначально отправлялись в редакцию, — в архивах библиотеки Калифорнийского университета в Санта-Крузе. Я запросила копию рукописи, по-слову сверила текст с опубликованным романом и пришла к выводу, что сокращать книгу не стоило.

Я отправила копию рукописи Элинор Вуд, литературному агенту Роберта. Она согласилась, что полный текст лучше. Мы связались с издателем и отправили ему экземпляр нового — старого — несокращенного романа.

К этому времени никто в издательстве не помнил, что для публикации книга была существенно сокращена: руководство издательства давно сменилось. Новый/старый текст романа приняли с удивлением и восторгом.

Было решено опубликовать роман без сокращений, поскольку оригинальная версия всем понравилась больше.

Теперь и вы можете ознакомиться с первоначальной версией романа «Чужак в стране чужой», в том виде, в котором его создал Роберт Энсон Хайнлайн.

Имена главных героев очень важны для понимания и развития сюжета. Избраны они неспроста. Джубал означает «отец всех», Майкл — «Кто как бог?». Значение остальных имен вы можете отыскать самостоятельно.

*Вирджиния Хайнлайн
гор. Кармел, шт. Калифорния*

ЧАСТЬ I

ЕГО ПОРОЧНОЕ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

1

Давным-давно, когда мир был юным, жил на свете марсианин, и звали его Смит.

Валентайн Майкл Смит, такой же реальный, как налоги, был единственным представителем своей расы.

Подбор кадров для первой экспедиции с Земли на Марс основывался на предположении, что главную угрозу для человека в космосе представляет сам человек. В то время, всего лишь через восемь лет после основания первого поселения на Луне, межпланетные путешествия люди совершали в изнурительно долгом свободном полете, требовавшем трехимпульсного орбитального маневра по двум эллиптическим переходным орбитам — двести восемьдесят пять земных дней от Земли до Марса, столько же на обратный путь, да плюс еще четыреста пятьдесят дней сидеть на Марсе в ожидании, когда же наконец планеты выстроятся в конфигурацию, подходящую для этого самого обратного пути по эллиптическим орбитам, то есть почти три земных года.

Сам по себе полет был не только утомительно долгим, но и рискованным. «Посланник», этот примитивный летающий гроб, должен был сначала подзаправиться на орбитальной станции, потом вернуться чуть ли не в атмосферу Земли и лишь оттуда отправиться к Марсу. Возвращение домой зависело от того, не разобьется ли он при посадке, найдется ли на Марсе вода для реакционных камер двигателей, удастся ли пополнить запасы съестного и не случится ли какая-нибудь из тысячи возможных — а также невозможных — неприятностей.

И все же основная опасность таилась не в физических тяготах, а в психологических нагрузках и стрессах. Восьмерым людям, как мартышкам, предстояло находиться в тесном общении — и помещении — друг с другом чуть ли не три земных года; совершенно ясно, что для такого подвига требуется сверхчеловеческая уживчивость. Чисто мужскую команду сочли сообществом не очень здоровым и весьма нестабильным; оптимальным был признан вариант четырех семейных пар — буде удастся найти нужных специалистов в таком сочетании.

Эдинбургский университет (основной подрядчик по проекту) поручил подбор команды Институту общественных исследований. После отбраковки добровольцев, явно непригодных по возрасту, здоровью, складу ума, подготовке или темпераменту, остался список из девяти тысяч возможных кандидатов, каждый из которых был здоров телом и духом и обладал как минимум одним из необходимых навыков и умений. Имелись все основания предполагать, что из них удастся составить несколько команд из четырех семейных пар, на выбор.

Надежды оказались напрасными. Кораблю требовались астронавт, врач, повар, капитан, механик, семантик, инженер-химик, инженер-электронщик, физик, геолог, биохимик, биолог, инженер-ядерщик, фотограф, инженер-ракетчик и гидропоник. Имелись сотни комбинаций из восьми добровольцев, обладающих всеми этими знаниями и умениями, впридачу к превосходному здоровью и крепкой психике, а среди этих сотен — три комбинации, состоявшие из четырех семейных пар; казалось бы, чего еще, однако во всех этих трех случаях специалисты по групповой динамике, оценивавшие взаимосовместимость характеров, хватались от ужаса за голову.

Главный подрядчик предложил снизить пороговое значение фактора совместимости, на что Институт гордо вызвался вернуть свой символический — размером в один доллар — гонорар. Тем временем какой-то программист, имени которого нигде не упоминалось, дал задание компьютеру составить команду из трех семейных пар. Машина отыскала несколько десятков совместимых комбинаций, каждую из которых требовалось дополнить еще одной семейной парой, удовлетворяю-

щей заданные параметры по различным критериям отбора. Остальные компьютеры продолжали изучать данные, поскольку кто-то из добровольцев умирал, кто-то отказывался от полета, в списке появлялись новые имена и тому подобное.

Капитан Майкл Брант, магистр естественных наук, коммодор резерва ВВС, лицензированный пилот и ветеран полетов на Луну (все это — к тридцати годам), вовремя вспомнил, что человек — сам кузнец своего счастья, и попросил некоего сотрудника Института отобрать из списка фамилии незамужних соискательниц, которые — вместе с ним — завершили бы формирование экипажа. После того как каждая из этих гипотетических семейных пар была пропущена через тест на совместимость с остальной командой, предприимчивый капитан купил билет в Австралию, где предложил руку свою и сердце Унифред Коберн, старой (на девять лет старше его самого) деве с лошадиной физиономией, специалисту по семантике, и получил согласие. В Карлсбадских архивах отыскалась ее фотография: лицо добродушное, но в общем невзрачное.

Вполне возможно, что Брант обошелся и без посторонней помощи, действуя лишь по дерзкому наитию — черте характера, совершенно необходимой для командования исследовательской экспедицией. Как бы то ни было, машина поморгала лампочками и с облегчением выплюнула пачку перфокарт; команда «Посланника» была сформирована.

Капитан Майкл Брант, командир и первый пилот, астрогатор, запасной повар, запасной фотограф, инженер-ракетчик.

Доктор Унифред Коберн Брант, сорок один год, семантик, медсестра, завхоз, историк.

Мистер Фрэнсис Сини, двадцать восемь лет, первый помощник, второй пилот, астрогатор, астрофизик, фотограф.

Доктор Ольга Ковалик Сини, двадцать девять лет, повар, биохимик, гидропоник.

Доктор Уорд Смит, сорок пять лет, терапевт и хирург, биолог.

Доктор Мэри Джейн Лайл Смит, двадцать шесть лет, инженер-ядерщик, техник-электронщик, техник силовых установок.

Мистер Сергей Римский, тридцать пять лет, инженер-электронщик, инженер-химик, механик, приборист, криолог.

Миссис Элеонора Альварес Римская, тридцать два года, геолог и селенолог, гидропоник.

Между собой члены этой команды обладали всеми нужными для полета профессиями и навыками, частично — приобретенными за время предполетной подготовки. Самое главное — все они были совместимы друг с другом.

Возможно, чересчур совместимы.

«Посланник» стартовал по расписанию, без происшествий. В начале путешествия его ежедневные сообщения слышали даже радиолюбители. Затем сигналы ослабели, теперь их принимали и передавали на Землю ретрансляционные спутники. Команда пребывала в добром здравии и хорошем настроении. Вся медицинская практика доктора Смита ограничилась единственным случаем стригущего лишая; адаптация к невесомости прошла быстро, противотошнотные средства применялись лишь в первую неделю. Дисциплинарных проблем не возникало — во всяком случае, капитан Брант ни о чем подобном не докладывал.

«Посланник» встал на низкую — ниже Фобоса — предпосадочную орбиту и две недели фотографировал поверхность Марса.

«Садимся завтра в 12:00 по Гринвичу, чуть южнее *Lacus Solis*¹, — сообщил капитан Брант.

Эта радиограмма оказалась последней.

2

Лишь спустя четверть века люди снова попали на Марс. Через шесть лет после того, как замолк «Посланник», беспилотный зонд «Зомби», запущенный совместно Географическим обществом и *La Societe Astronautique Internationale*², пересек космическую пустоту, выждал полагающееся время на орбите, а за

¹ Точнее, *Solis Lacus* (лат.) — озеро Солнца.

² Международное астронавтическое общество (фр.).

тем вернулся. Фотографии и результаты приборных исследований подтвердили разреженность марсианской атмосферы и непригодность планеты для жизни людей; местность, изображенная на снимках, выглядела уныло и малопривлекательно — по человеческим, конечно же, стандартам.

Однако на тех же самых снимках были детали, удивительно напоминавшие развалины городов, а уж знаменитые «каналы» оказались самыми настоящими инженерными сооружениями. Начали готовить новую экспедицию, но тут разразилась Третья мировая.

В результате столь продолжительной задержки новая экспедиция оказалась значительно сильнее предыдущей. В отличие от погибшего «Посланника», космический корабль Федерации «Чемпион», снабженный лайловскими двигателями, совершил перелет за какие-то девятнадцать дней; на его борту было восемнадцать человек команды и несколько большее число колонистов (одни мужчины). Намереваясь организовать поиски «Посланника», капитан ван Тромп совершил посадку к югу от *Lacus Soli*. Радиодоклады второй экспедиции поступали на Землю ежедневно. Особый для нас интерес представляют три нижеследующих сообщения.

Первое: «Обнаружен ракетный корабль „Посланник“. Уцелевших нет».

Второе потрясающее известие: «Марс обитаем».

Третье: «Во изменение доклада 23-105. Обнаружен один уцелевший с „Посланника“».

3

Капитан Виллем ван Тромп был человеком гуманным и благоразумным. Незадолго до посадки он радировал: «Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не организуйте пассажиру торжественного приема. Обеспечьте челнок с малым посадочным ускорением, санитарную машину и вооруженную охрану».

Корабельный врач, доктор Нельсон, получил задание проследить, чтобы Валентайна Майкла Смита поместили в отдельную палату Бетесдинского медицинского центра, уложили на водяную кровать и оградили от всяких внешних контактов, под неусыпной охраной морских пехотинцев. Сам ван Тромп направился на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

Как раз тогда, когда Смита перекладывали на кровать, верховный министр науки заявил, даже не пытаясь скрыть раздражения:

— Конечно же, капитан ван Тромп, как командир экспедиции — *научной* экспедиции, не будем об этом забывать, — вы имели право организовать особое медицинское обслуживание и защиту личности, временно оказавшейся на вашем попечении. Однако не много ли вы на себя берете, чиня препятствия действиям сотрудников моего министерства? Да ведь этот ваш Смит — настоящая сокровищница научной информации!

— Скорее всего — да, сэр.

— Тогда какого же... — Министр науки переключил свое внимание на верховного министра мира и безопасности. — Дэвид? Очевидно, что дело подпадает под юрисдикцию моего ведомства. Вы не могли бы дать своим людям необходимые указания? Сколько же можно мурыжить профессора Кеннеди и доктора Окадзиму, да и остальных тоже. Того и гляди, начнут возмущаться.

Министр мира не ответил и вопросительно покосился на капитана ван Тромпа.

Капитан ван Тромп покачал головой:

— Никак нет, сэр.

— Но почему? — не унимался научный министр. — Почему? Вы же сами признаете, что он не болен.

— А вы бы, Пьер, дали капитану возможность объясниться, — посоветовал министр мира. — Ну так что, капитан?

— Смит действительно не болен, сэр, — медленно начал ван Тромп, — но ему плохо. Во-первых, тяготение. Сейчас его вес в два с половиной раза больше привычного, мускулы просто не справляются. Он непривычен к нормальному атмосферному

давлению. Он непривычен ни к чему земному и подвергается сейчас колоссальному напряжению. Кой черт, господа, я и сам устал как собака — я, родившийся на этой планете.

По лицу научного министра скользнула презрительная улыбка.

— Позвольте вас заверить, дражайший капитан, что мы предвидели трудности гравитационной акклиматизации — если уж она вас так волнует. За его дыханием и сердечной деятельностью будет вестись самое тщательное наблюдение. Нам не откажешь ни в воображении, ни в умении предвосхищать события. Между прочим, я тоже бывал в космосе и знаю, как чувствуешь себя потом. А этот самый человек, Смит, должен...

Капитан ван Тромп решил, что сейчас самое время устроить небольшую истерику. А потом можно будет оправдаться тем самым гравитационным недомоганием, и безо всякого вранья — он и впрямь чувствовал себя так, словно прилетел не на Землю, а на Юпитер; вдобавок, он хорошо понимал, что даже государственный деятель высочайшего калибра не посмеет жестко обойтись с командиром первой успешной экспедиции на Марс.

— Чего? — прервал он заносчивого министра. — Этот человек Смит? Этот человек? Да вы что, не понимаете, что он не человек?

— Э-э?

— Смит. Не. Человек.

— Как это? Извольте объяснить свои слова, капитан.

— Смит — не человек. Он разумное существо, генетические предки которого были людьми, но сам он — не человек. Он — марсианин, а не человек. До того как мы свалились этому вашему «человеку» на голову, он даже и не видел ни разу никаких таких людей. Он мыслит как марсианин, чувствует как марсианин. Он выращен и воспитан разумной расой, у которой нет с нами ничего общего — у них нет даже *пола*. Смит ни одной женщины в жизни не видел — и не увидит до тех пор, пока мои распоряжения останутся в силе. Генотип у Смита наш, человеческий, но взаимодействие с абсолютно чуждой нам средой сделало из него марсианина. Если хотите, чтобы

у него совсем крыша съехала, если вам не жаль терять эту самую «сокровищницу научной информации» — валяйте, напускайте на него своих дубоголовых профессоров, пусть развлекаются. А и действительно, ну чего бы ради давать несчастному шанс попривыкнуть к этому бедламу, называемому «планета Земля»? Выжмите его, как лимон. Да и вообще, при чем тут я? Я свою работу выполнил.

Затянувшееся молчание прервал генеральный секретарь Дуглас:

— И выполнили прекрасно, капитан. К вашему совету мы прислушаемся, всесторонне его обсудим и никаких поспешных действий предпринимать не станем. Если этому марсианскому человеку, или там человеческому марсианину, нужно несколько дней адаптации, наука может и подождать. Так что, Пит, потерпите. Обсудим эту проблему позже, господа. А сейчас предлагаю перейти к прочим делам. Капитан ван Тромп устал.

— Не знаю, как наука, — заметил министр общественной информации, — но есть вещи, которые ждать не могут.

— Да, Джок?

— Если по стереоящичку в самое ближайшее время не покажут человека с Марса, вам, господин секретарь, придется усмирять мятежи.

— Хм-м... думаю, вы преувеличиваете. Достаточно того, что в новостях будут другие марсианские материалы. Торжественный прием, я награждаю капитана и его бравую команду. Не далее, как завтра. Капитан ван Тромп делится своими впечатлениями — не бойтесь, капитан, мы дадим вам спокойно выспаться.

Министр общественной информации решительно помотал головой.

— Что, Джок, не годится?

— Публика ожидала, что на Землю привезут взаправдашнего живого марсианина. За отсутствием такового нам нужен Смит, и нужен он нам позарез.

— Живые марсиане? А что, капитан, — повернулся Дуглас к ван Тромпу, — есть у вас снятые материалы с марсианами?

— Километрами и килограммами.

— Вот вам и пожалуйста, Джок. Будет нечего показывать в прямом эфире — переходите на записи. Все будут в восторге, гарантирую. Да, капитан, так что там насчет экстерриториальности... Марсиане не возражают?

— Ну... в общем-то нет, сэр, но и согласия как такового не было.

— Я не очень вас понимаю.

Капитан ван Тромп задумчиво поскреб подбородок:

— Ох, не знаю даже, как и объяснить. Беседовать с марсианами, сэр, это все равно что говорить с эхом. Никто тебе не возражает, но толку — круглый нуль.

— Вам, пожалуй, следовало прихватить сюда и этого... как там его фамилия? Ну, словом, вашего семантика. Или он в коридоре дожидается?

— Его фамилия Махмуд, сэр. Доктор Махмуд не совсем здоров. Он немного... Он немного перенервничал, сэр.

Ван Тромп разумно рассудил, что «немного перенервничал» звучит значительно приличнее, чем «напился в стельку», а по смыслу — почти одно и то же.

— Отметил возвращение?

— Ну, разве что немного, сэр. — (Вот же кроты чертовы!)

— Хорошо, доставьте его ко мне, когда очухается. Думаю, с переводом нам поможет и этот молодой человек — Смит.

— Возможно, — без особой уверенности сказал ван Тромп.

Тем временем «этот молодой человек» Смит изо всех сил старался выжить. Тело его, стиснутое и изнуренное странной структурой пространства в этом невероятном месте, наконец-то покоилось в мягком гнезде, куда его уложили эти странные другие. Теперь о теле можно было и не заботиться; Смит переключил внимание третьего уровня на дыхание и сердцебиение.

И увидел, что едва не проглотил себя. Легкие работали с такой же интенсивностью, как дома, сердце колотилось как бешеное, едва успевая разносить поступающий кислород по телу, — и все это в борьбе с искривлением пространства, и все

это в удушающе-обильной, невыносимо горячей атмосфере. Следовало немедленно принять меры.

Вскоре пульс снизился до двадцати ударов в минуту, а дыхание стало почти незаметным; оставалось только проверить стабильность достигнутого состояния. Пронаблюдав некоторое время за собой и окончательно убедившись, что нечаянно не развоплотится, если отключит внимание от биологических процессов, Смит оставил в карауле крошечную часть второго уровня, а остального себя удалил. Назрела необходимость исследовать конфигурацию столь многих новых событий, чтобы воспринять их в себя, а затем восхититься ими и восхвалить их — дабы не стать их жертвой.

С чего начать?

С того момента, когда он покинул дом, всеобъяс этих других, ставших отныне его согнездиками? Или с прибытия в этот мир, в это мучительно скомканное пространство? Мозг Смита на мгновение послезрел ослепительные вспышки, нано-во услышал непонятные грохочущие звуки и содрогнулся от боли. Нет, он не готов еще воспринять эту конфигурацию — назад! назад! назад, туда, где он еще не видел и не знает этих других, ставших теперь своими. Даже дальше, за тот момент, когда он впервые грокнул, что отличен от братьев своих согнезди-ников, после чего потребовалось исцеление... назад, в гнездо!

Ничто из этого не мыслилось в земных символах и понятиях. Смит освоил уже азы английского, но пользовался им со значительно большими затруднениями, чем индус, говорящий на пиджин-инглише с турком. Для нашего марсианина английский представлял собой нечто вроде шифровальных таблиц, дающих — после долгой, нудной работы — совершенно неадекватное переложение и интерпретацию каждого символа. Сейчас его мысли витали в марсианских абстракциях, сформировавшихся за полмиллиона лет развития совершенно чуждой человеку культуры, и были абсолютно непереводимы на какой-либо из человеческих языков.

А за стенкой ординатор — доктор Таддеус, он же Тад, — резался в криббедж с Томом Мичемом, личным фельдшером Сми-

та, — не забывая при этом поглядывать на приборные шкалы и чутко следя за сердцебиением пациента. Когда мерно подмигивавшая лампочка снизила темп своего мерного подмигивания с девяноста двух раз в минуту до двадцати, медики швырнули карты на стол и бросились в палату.

Пациент покоился на упругой оболочке водяной кровати и не подавал никаких признаков жизни.

Таддеус выругался и крикнул:

— Позовите доктора Нельсона!

— Есть, сэр! — Мичем на секунду задумался. — А может, дефибрилятором его? Пока совсем не заоченел?

— Позовите доктора Нельсона!

Фельдшер выскочил в коридор. Таддеус внимательно оглядел пациента, протянул было к нему руку, но тут же опасливо отдернул. В палате появился второй врач, постарше, его натужная, неуклюжая походка выдавала человека, долго пробывшего в космосе и не успевшего реадаптироваться к высокой гравитации.

— Так что там у вас?

— Приблизительно две минуты тому назад, сэр, резко упали частота дыхания, температура и пульс.

— И что вы сделали?

— Ничего, сэр. Согласно вашим указаниям...

— Вот и отлично. — Нельсон окинул Смита беглым взглядом, затем изучил показания приборов — ровно таких же, как и в дежурке. — Если будут какие-либо изменения, сразу сообщайте. — Он повернулся к двери.

— Доктор, а как же... — недоуменно начал Таддеус.

— Да, доктор? У вас есть какой-нибудь диагноз? — хмуро осведомился Нельсон.

— Э-э... мне не хотелось бы проявлять излишней самонадеянности, высказываясь по поводу вашего пациента...

— Я же спросил — у вас есть какой-нибудь диагноз?

— Хорошо, сэр. Шок. Возможно, — добавил он уже без прежней уверенности в голосе, — несколько нетипичный. Но все равно — шок, ведущий к летальному исходу.

— Мнение вполне разумное, — кивнул Нельсон. — Только вот случай перед нами не вполне разумный. Успокойся, сынок. Помнится, на обратном пути этот пациент впадал в подобное состояние добрый десяток раз. Ничего страшного. Вот, смотри. — Он приподнял руку Смита, а затем отпустил ее. Рука не упала, а так и осталась висеть в воздухе.

— Катаlepsия? — заинтересовался Таддеус.

— Называйте это как угодно. Даже если считать хвост ногой, он все равно в ногу не превратится. В общем, не волнуйтесь, доктор. Ничего типичного в этом случае вы не найдете. Задача у вас одна — не позволяйте никому его беспокоить, а при любых изменениях зовите меня. — Нельсон осторожно положил руку пациента на прежнее место и вышел из палаты.

Таддеус еще раз взглянул на пациента, недоуменно покачал головой и вернулся в дежурку. Мичем собрал со стола карты, потасовал.

— Криб?

— Нет.

— Если хотите знать, — заметил Мичем, — этот, за стенкой, и до утра не дотянет.

— Ваше мнение никого не интересует.

— Прошу прощения.

— Покурите там, с охранником, а я хочу посидеть спокойно и подумать.

Мичем пожал плечами, неторопливо встал и вышел. Таддеус выдвинул нижний ящик стола, достал оттуда бутылку и налил себе дозу, способствующую размышлениям. Мичем подошел к охранникам в коридоре; те было вытянулись в струнку, но узнали фельдшера и снова расслабились.

— Привет! Что у вас там за шум, а драки нет? — поинтересовался один из морских пехотинцев, который повыше.

— У пациента родились пятерняшки, вот мы и спорим, как их назвать. Ну, гориллы, кто даст мне в зубы, чтоб дым пошел? И огоньку.

— А с молоком у него как? — поинтересовался второй охранник, выживая из кармана пачку сигарет.

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Александра Питчер
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Наталья Бобкова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 44. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-FFB-31008-01-R